

Бекман Гельмут (Артур) Эдуардович (1879 -) инженер-механик. Окончил Морское инженерное училище (1900). Во время русско-японской войны - штабс-капитан К.И.М., помощник старшего судового механика на эскадренном броненосце «Император Николай I», участник Цусимского сражения и сдачи корабля японцам 15.05.1905. После плена, как обвиняемый участвовал в судебном процессе в декабре 1906. Оправдан. В гражданскую войну – активный участник белого движения («Флот в белой борьбе»). В Добровольческой армии и ВСЮР - капитан 2-го ранга. В 1918–1919 гг. инженер-механик канонерской лодки «Терец», весной 1919 на крейсере «Кагул» («Генерал Корнилов»). Капитан 1-го ранга (28.03.1920).

Дело о сдаче японцам эскадры контр-адмирала Небогатова.

***Небогатов Николай Иванович** (20 апреля 1849—1922 (1934?)) — российский флотоводец, контр-адмирал, за сдачу японцам эскадры без боя судом приговорён к смертной казни, заменённой десятью годами крепости, помилован после 25 месяцев тюремного заключения.*

15 мая 1905 года около 10 часов утра эскадренные броненосцы «Император Николай I», «Орел» и броненосцы береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин», будучи настигнуты в Японском море близ Корейского пролива японской эскадрой, без боя спустили перед неприятелем флаг и были отведены в плен.

При производстве по этому делу предварительного следствия выяснилось, что сдача наших судов произошла при следующих условиях.

14 мая 1905 года броненосцы «Император Николай I», «Орел», «Генерал-адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин» участвовали в составе нашей Тихоокеанской эскадры в Цусимском бою. Задавшись, видимо, целью истребить лучшие и сильнейшие наши корабли, неприятель обстреливал главным образом отряды адмиралов Рожественского и Фелькерзама. «Орел» был поэтому в течение многих часов под жесточайшим огнем и получил настолько серьезные повреждения, что командовавший им капитан 2 ранга Шведе думал было уже испросить у адмирала разрешение на истребление корабля. Броненосец этот, по словам свидетелей, представлял собой после боя обгорелую грудку стали, чугуна и железа. В корпус «Орла» попало до ста снарядов, которыми совершенно разрушило небронированную часть борта, причинило множество пробоин, разбило все гребные суда и сильно повредило артиллерию. В течение дня на «Орле» было убито 2 офицера и 22 нижних чина, ранено 11 офицеров и 64 нижних чина.

Броненосец «Николай I» под флагом контр-адмирала Небогатова и командой капитана 1 ранга Смирнова в бою 14 мая также пострадал. Он имел несколько пробоин, потерял часть шлюпок и лишился одного 12-дюймового орудия. Снарядов на нем оставалось мало.

Броненосец «Генерал-адмирал Апраксин», командиром которого состоял капитан 1 ранга Лишин, в бою серьезных повреждений не получил и потерял убитыми два нижних чина и ранеными десять.

В броненосец «Адмирал Сенявин», по словам командира этого корабля капитана 1 ранга Григорьева, ни один неприятельский снаряд не попал, и повреждений и потери в людях на броненосце этом не было. 14 мая, часов около шести вечера, миноносец «Буйный», принявший, как впоследствии выяснилось, тяжело раненного адмирала Рожественского, поднял сигнал: «Адмирал передает командование адмиралу Небогатову», а некоторое время спустя миноносец «Безупречный», пройдя вдоль линии наших судов, передал семафором, что адмирал предписывает эскадре взять курс на Владивосток. В течение вечера и части ночи суда наши подвергались непрерывным минным атакам. Офицеры и команды были донельзя утомлены и почти не спали. К утру в составе эскадры адмирала Небогатова, шедшей Японским морем, оказались только броненосцы «Император Николай I», «Орел», «Генерал-адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин» и

крейсер «Изумруд». Остальные наши корабли частью погибли, частью же отстали и укрылись в нейтральные порты.

На рассвете, на горизонте несколько слева и позади курса появились дымки, о которых тотчас же было доложено адмиралу и командирам. Высказывались разнообразные предположения, но большинство утверждало, что это наши отставшие суда. Гул, напоминавший выстрелы, заставил адмирала повернуть своим на выручку. Вскоре выяснилось, однако, что наших судов позади не было. Командир «Изумруда» капитан 2 ранга Ферзен, посланный адмиралом на разведку, доложил, что показавшиеся суда — неприятельские. Повернув на прежний курс и осведомившись сигналом о состоянии артиллерии и повреждениях, адмирал приказал пробить боевую тревогу. Невзирая на ужасы пережитого дня и крайнее утомление, команды наши и офицеры, бывшие накануне очевидцами последовательной гибели лучших наших судов, бодро разошлись по местам и готовились к бою. «Мы покажем себя не так, как «артурцы»,— говорили на «Николае I». Мысли о сдаче никто не допускал.

Часов около восьми утра японские суда обрисовались ясно. Часть неприятельских кораблей, которых собралось до 28, обогнув нашу эскадру, взяла ей на пересечку курса и к 10 часам окружила ее со всех сторон. Команды наши были поражены щегольским видом японских судов, не носивших вовсе следов боя. Безвыходность положения стала для всех очевидной. Все ждали приказаний, готовые исполнить последний свой долг. Орудия заряжались и наводились. Роковая мысль о сдаче, однако, зародилась.

По словам мичмана Волковицкого, как о том ему говорил в плену лейтенант Степанов, командир «Николая I» Смирнов еще в ночь на 15 мая просил Степанова убедить адмирала в случае встречи с врагом в бой не вступать, а сдаться. Степанов слов этих адмиралу, однако, не передал. 15 мая, часов около девяти утра, капитан 1 ранга Смирнов высказал флаг-капитану Кроссу, что, по его мнению, остается сдаться, и просил доложить об этом адмиралу. Кросс прошел в боевую рубку и передал адмиралу на ухо слова Смирнова. «Ну, это еще посмотрим»,— сказал адмирал, но через некоторое время потребовал к себе командира, который, видимо, и убедил адмирала в необходимости сдачи. Сообщив затем чинам штаба о безвыходности положения, адмирал приказал поднять белый флаг и сигнал о сдаче. По настоянию старшего офицера капитана 2 ранга Ведерникова адмирал созвал затем офицеров и объявил им о принятом решении.

Длилось совещание недолго. Японцы открыли по флагманскому кораблю огонь и заставили тем разойтись по местам. Сигнал о сдаче, набранный, по свидетельству кондуктора Гаврилова, флаг-капитаном Кроссом и лейтенантом Глазовым, был поднят, по показанию сигнальщиков Богоненко и Загороднего, еще до созыва офицеров, после первого предварительного совещания адмирала с командиром и чинами штаба. Открыв огонь, неприятель продолжал сближаться. Первые выстрелы были произведены японцами с расстояния около 60 кабельтовых, а последние — кабельтовых с 25. На выстрелы адмирал приказал не отвечать. Лейтенант Жаринцев по возвращении с совещания распорядился поэтому повернуть орудия в сторону, противоположную неприятелю, а лейтенант Северин приказал сигнальщику Богоненко просемафорить «Орлу», что «Николай I» окружен неприятелем и сдается. Невзирая на поднятый сигнал и белый флаг японцы не прекращали стрельбы. В течение каких-нибудь 10 минут броненосец получил до шести пробоин. Адмирал распорядился тогда поднять японский флаг.

В машине хотели взорвать цилиндры — старший механик Хватов отставил это распоряжение, а младшие механики Дмитранг и Бекман запретили машинной команде портить другое имущество. Командир поручил раздать офицерам судовые деньги. Адмирал собрал команду и обратился к ней с речью, в которой высказал, что он решился на сдачу ради спасения свыше 2000 молодых жизней. Часть команды была сдачей довольна и одобряла действия адмирала.

Около 11 часов к борту «Николая I» подошел неприятельский миноносец, который пригласил адмирала со штабом на японский флагманский корабль «Миказа», а на

«Николае I» оставил стражу. Адмирал Того спросил адмирала Небогатова, на каких условиях сдастся эскадра, на что адмирал Небогатов ответил, что никаких условий он ставить не может, но хотел бы, чтобы офицерам и нижним чинам было сохранено их имущество и чтобы офицерам было разрешено под честное слово возвратиться в Россию. Адмирал Того со своей стороны потребовал, чтобы суда наши с момента сдачи порче не подвергались, и предложил адмиралу Небогатову собрать на «Николае I» командиров и объявить им об условиях сдачи. Возвратившись на свой корабль, адмирал потребовал к себе командиров, и протеста с их стороны не встретил. Часть офицеров и команды были затем свезены на японский корабль «Фуджи». Среди оставшихся на «Николае I» произошла полная деморализация. Команда открыла ахтерлюк, перепилась и устроила дебош.

Вахтенный начальник броненосца «Император Николай I» лейтенант Тиме объяснил, что броненосец их не мог оказать неприятелю сопротивления, так как снаряды наши до него не долетали бы. Артиллерия броненосца особых повреждений не имела и средства для спасения команды были, но на изготовление их требовалось немало времени. На совете он, обвиняемый, был и подал сначала голос за продолжение боя. Командир твердо стоял за сдачу, и к мнению его примкнул и флаг-капитан. «Посмотрите, — сказал адмирал, указывая на команду, — многие еще и жить не начали — ужели всех их утопить». Адмиралу не возразили и разошлись по своим местам. После сдачи адмирал плакал, говорил, что его разжалуют в матросы, и советовал «быть честными и ничего не портить».

Адмирал приказал поднять сигнал о сдаче и белый флаг. Команда по собственному почину принялась портить орудия и выбрасывать за борт заряды и ружья. Не будь поднят сигнал о сдаче, их постигла бы участь «Бородина», «Суворова» и «Александра III». Тактика японцев была очевидна: они расстреливали наши суда с расстояний, недопустимых для нас. Средств для спасения команды не было.

До сдачи нижние чины молча, безропотно готовились к смерти, по объявлении же адмиралом его решения радость жизни заговорила в них, и они вышли из повиновения. Они разбили ахтерлюк, напились и стали даже громить офицерские каюты.

Инженер-механик штабс-капитан Бекман виновным себя не признал и объяснил, что о сдаче он узнал лишь после поднятия японского флага. Три нем командир, выходя из своей каюты, сказал, что давно надо было сдаться, а адмирал, собрав офицеров, объявил, что берет ответственность на себя и уверен, что со временем все будут ему благодарны за спасение жизни. До прибытия японцев он, обвиняемый, разговора о затоплении корабля не слышал.

Замечательно, что свидетели — нижние чины, часто противоречащие друг другу, сходятся все только на одной подробности: судовые деньги, бывшие в кассе каждого броненосца, исчезли из кассы перед сдачей. Один свидетель, например, видел, как пришел ревизор, положил деньги в мешочки, унес и, кажется, раздал господам офицерам.

Четвертое заседание

Японский флаг выдал шкипер дальнего плавания Преображенский, давший вообще чрезвычайно «вольное» показание: на таком «старом сапоге», как «Николай I», только и оставалось что сдаться...

На «Николай I» напущена была морская вода и тем значительно уменьшена цена доставшегося японцам приза. Свидетели известие читали.

— Ну, так вот это сделал я, — заявляет штабс-капитан **Бекман**.

И капитан Хватов подтверждает, что это сделал **Бекман**.

Приговор в окончательной форме объявлен в военно-морском суде 28 декабря.

Всемилоостивейше повелено: согласно ходатайству особого присутствия кронштадтского военно-морского суда, осужденных по делу о сдаче 15 мая 1905 года неприятелю броненосцев «Император Николай I», «Орел», «Адмирал Сенявин» и «Генерал-адмирал Апраксин» бывшего контр-адмирала, дворянина Небогатова и бывших капитанов 1 ранга дворян: Смирнова, Григорьева и Лишина взамен определенной им судом смертной казни без лишения прав состояния подвергнуть заточению в крепости на Десять лет каждого с последствиями, указанными в 16 статье Военно-морского устава о наказаниях.

Приговором особого присутствия по тому же делу определено: капитанов 2 ранга: Кросса, Ведерникова и Артшвагера и лейтенанта Фридовского подвергнуть заключению в крепости с последствиями, указанными в 25 статье Военно-морского устава о наказаниях: Кросса - на четыре месяца; Ведерникова и Артшвагера — на три месяца каждого и Фридовского — на два месяца.

Привлеченных к сему делу капитанов 2 ранга Шведе и Куроша-2; лейтенантов: Модзалевского, Павлинова-4, Бурнашева, Рюмина-2, Северина, Глазова, Хоментовского, Жаринцева, барона Таубе, Мазирова, Сергеева-5, Степанова-7, Тиме, Пеликана-1, Белавенца, Ма-карова-3, Шишко-1, Трухачева, Лебедева-3, Рощаковского, Николаева, Якушева; мичманов: Сакеллари, Карпова-2, барона Павла Унгерн-Штернберга, барона Георгия Унгерн-Штернберга, Четверухина, Дыбовского.Суйковского, Волковицкого, Тевяшева, Мессинга, Мессера, Щербачева-3, Кульнева, Мороза, Маркова, Ры-качева, Каськова, Князева; корпуса механиков флота: полковника Парфенова, подполковника Орехова, капитана Хватова, штабс-капитанов Складревского, **Бекмана**, Милевского; поручиков: Румса, Дмитраша, Можжухина, Русанова, Розанова, Федорова, Яворовско-го, Боброва, Тагунова; подпоручика Беляева; корпуса флотских штурманов подполковника Федотьева; прапорщиков: Шамие, Адамцевича, Скрыжакова, Антипина, графа Баранова, Дякина, Одера, Чепаченко-Павловского, Сонкина и Морозова — считать по суду оправданными.